
РАССКАЗЫ РАБОЧИХ О ЛЕНИНЕ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

№ 57 (1044)

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ

МОСКВА — 1937

С. МИРЕР и В. БОРОВИК

РАССКАЗЫ РАБОЧИХ
О ЛЕНИНЕ

Журнально-газетное объединение

Москва—1937

Обложка работы художника
Г. Н. Мучника

Ответ. редактор Еф. ЗОЗУЛЯ Техред. М. ЗЕЛИНСКАЯ

Издатель Журнально-газетное объединение Изд. № 288

Упол. Главлита Б—21085. Зак. тип. 637. Тираж 50 000

Статфор. А—105×148 мм. 1¹/₄ п. л. Кол. зн. в 1 п. л. 43008

Кн. сдана в набор 16/IX 1937 г. Подп. к печ. 1/X 1937 г.

Типогр. и цинкогр. Жургаза. Москва, 1-й Самотечный, 17.

ИЗ РАССКАЗОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ ФИНЛЯНДСКОГО ВОКЗАЛА

Я тогда работал на узловой станции возле Таммерфорса. Красивый уголок. Шумят день и ночь пороги. Кругом светлые озера.

Вечер. Ожидается курьерский поезд с самой шведской границы.

Следят за каждым проезжающим. До прихода поезда, чтобы не быть на виду, я ушел со станции.

Вдруг свисток и показался поезд.

Я поспешил на платформу. Послышалась песня. Доносилась она из окна вагона второго класса.

Вошел я в поезд. Сел и задумался — кто б это мог петь. Пошел узнать.

Открыв дверь на площадку второклассного вагона, встретился с бородачом-солдатом, вооруженным бер-

Печатаемые в этой книжке рассказы рабочих о Ленине записаны: в Ленинграде — на Финляндском вокзале, на заводе имени Ленина, на «Красном путиловце» и «Красном Выборжце»; в Москве — на автозаводе им. Сталина, электрокомбинате им. Куйбышева, на заводе «Серп и молот» и др.

данкой. Это был крестовик, ратник ополчения. Я попросил разрешения войти в вагон.

В первом отделении сидело человек восемь. Дверь была открыта.

Я поздоровался попросту, по-солдатски. Меня пригласили сесть и сразу:

— Как, что, почему, какой части?..

Особенно один, о чем только меня ни спрашивал.

Тут я почувствовал своего человека.

Это был Ленин.

И только он разговорился — под’езжаем к пограничной станции на реке Сестре.

Видим — рабочие с красными знаменами. Народу — глазом не окинешь.

Я был в Белоострове, на станции. Ожидали кого-то особенного. Говорили:

— Приезжает кто-то.

Но не знали откуда. Говорят — из Або, из Таммерфорса, из Гельсингфорса. Из Германии он должен приехать, из Швеции, из Дании, говорят. А кто болтает — из Норвегии. Возвращается какой-то человек особенный. И видим — народ с красными флагами. И трубы, трубы...

Я — машинист. А товарищ мой — составитель. Ожидаем чего-то нового и чувствуем — вот сразу нахлынет!

Под’езжает курьерский поезд, обыкновенный, на девять вагонов, полный состав. Маршрут его — Гельсингфорс — Петроград. Восемь вагонов обыч-

ных, а первый вагон особенный — для возвращающихся политэмигрантов. В этом вагоне окошко, и смотрит какой-то неизвестный и здороваётся с народом.

Почувствовали мы, что вот этот наверно и есть тот человек, о котором говорит сегодня весь Белостров.

— Нельзя ли, — просим его, — выйти из вагона, поговорить с нами?

Он вышел.

В буфете он держал речь.

А тут приходит кондуктор поезда.

— Время, — говорит. — вышло. Пора отправляться.

Машинист выборгский, торопится. Бригада вагонная тоже торопится.

И он речь укоротил. Сел в вагон и поехал под крики «ура»! Тогда-то я в первый раз и увидел Ленина, того, особенного человека.

В день приезда Ленина я дежурил в Парголово. Мне в будку подали сигнал, когда я только заступил на работу.

Взглянул — семафор закрыт.

Прибегает будочник с переезда и говорит:

— В Петроград из Гапаранды едет Ленин.

Вышел я из будки. Холодок, но весенний. Обернулся к Финляндии — вижу огоньки паровоза, слышу свисток. Я, стрелочник, встал на место.

Я, Юлка Оскар, открыл семафор.

Я позвонил:

— Путь на Петроград открыт.

Печник рассказывает:

— Я у одного банкира печку ставил в семнадцатом году.

Он прямо и сказал мне:

— Ленин твой будет расстрелян.

А у него два сына офицера и банк в Москве.

Мы разговорились.

— Зачем Ленина расстреливать? Мы за Ленина все.

Кухарка его меня поддержала:

— Печник правильно говорит.

В то время работал я в снарядной мастерской, а по соседству в котельной один большевик, парень хотя молодой, но достаточно выдержанный, некий Иван. Он давал мне в разговорах понятие о большевизме. И вот я обратился к нему с вопросом:

— Поскольку у нас по заводу поднялся крик, что едет Ленин, и о Ленине говорит стар и млад, объясни мне, пожалуйста, что он собою представляет и где в настоящее время живет.

Дальше:

— Едет он, говорят, из-за границы, то, стало быть, полагаю, что это наш, должно быть, революционер, по пятому году, отсюда скрывшийся как преследуемый царизмом. Так вот, если он из питерских

подпольщиков, то какая его настоящая фамилия и не знаю ли я его в лицо?

И Ванюша сказал мне:

— Товарищ, если тебя интересует слышать и видеть того, о ком ты все меня сегодня спрашиваешь, как я большевик и должен больше знать, то я удовлетворю твои вопросы и раз'ясню, кто такой Ленин.

Ленин — это не его фамилия: его настоящая фамилия Ульянов, а Ленин — псевдоним. Он руководитель и создатель партии большевиков. Мы его сегодня ждем в Петербург. В девятьсот седьмом году он уехал за границу, а сегодня возвращается к нам.

Тогда я решил во что бы то ни стало попасть на вокзал.

Но народу нахлынуло так много, что пришлось всеми правдами и неправдами продвигаться к цели, тем более, что разная сволочь, посланная Временным правительством, сновала и мешала народу стекаться к Финляндскому, боясь, что с приездом Ленина будет сорвана ихняя подлая жизнь.

Через Литейный мост пройти было невозможно. Разными ихними людишками была сделана искусственная преграда. Со всех районов Питер к Финляндскому ломится, чтобы скорее к Ленину навстречу подойти, а тут дорогу преграждают.

Если бы сто верст, и то пошел бы, усталости не чувствуя, а тут вот тебе преграда — меньшевики

и эсеры на Литейном мосту останавливают рабочих и уговаривают не идти: дескать, от Ленина ожидать хорошего нечего.

И как иду я один, а погода не особо сильно гнилая, а на душе ясно, — решил: чем мимо них идти, лучше я кругом пройду и достигну желанной цели.

И повернул по Дворцовой набережной и пошел быстро к Троицкому мосту, скорее вперед, догонять заводских товарищей, от которых отстал.

Через Троицкий мост перешел на Петроградскую, и казалось мне, внизу река радуется.

И я бегом бегу и вижу, как все бегут — и балтийцы, и гвоздильщики, и рабочие кожевенных заводов Васильевского острова.

Все-таки в конце концов я не выдержал, взял извозчика.

А тут уже народ меня догоняет.

Отстающие напрягают всю энергию и торопятся, опережая один другого, пешеходы и ездоки.

Когда я выскочил уже у самого вокзала на площадь, почти не представлялось возможности пробраться на перрон станции.

Но все-таки, хотя и с трудом и с невероятными усилиями, мне удалось проломиться к перрону. Мне помяли бока, но уж на это я не смотрел.

Как молния, по Путиловскому заводу пролетела весть. Остановился большой завод. По цехам, во дворе начали громогласно митинговать по поводу того, кто приезжает сегодня.

Многотысячная толпа двинулась из завода со знаменами, без музыки, в боевом порядке.

Если бы только правительство Керенского поставило идущим что-нибудь на дороге — будь то железные стены или колючие преграды, рабочие своим напором сломали бы все.

Шли по Нарвскому проспекту, памятного расстрелами пятого года, шли Петергофским проспектом, мимо гигантского «Треугольника», шли на Садовую.

Питерская буржуазия сперва злорадно хихикала на эту тему. Но, сосчитав наши ряды, стала бояться.

На Невском аристократия шуршит, офицерство звякает шпорами.

Прошли мимо казарм конных полков, мимо сгоревшего окружного суда.

Через мост прошли — он не был поднят. А хотя бы даже его и вовсе не было — через Неву пронеслись бы.

Настроение у массы росло по мере приближения к Финляндскому.

Пришли на серую привокзальную площадь. Остановились.

Вокзал оцеплен.

... Мы ждали очень долго — вот-вот поезд прибудет. У некоторых появилась тревога.

— Ладно ли? Где поезд?

— Поезд задержался на какой-то станции, — отвечают вокзальные. — Встретили рабочие делегации и задержали.

Немедленно передается во все улицы и переулочки, и ораторы кричат:

— Поезд задержался, скоро прибудет.

... Из пожарных частей заводов взяты были факелы и зажжены, когда наступил вечер. А прожекторы с четырех сторон били светом на площадь...

... Целый бронедивизион прибыл для встречи Ильича. И остановились на площади у вокзала и в переулках. На каждом бронепоезде был красный флаг.

... В боевом состоянии люди сидели скрытые и смотрели через наблюдательные отверстия. В случае помешают прибытию Ильича, так эти броневики дадут бой.

... Было темно, а факелы керосиновые, много факелов, жестяных и медных, все вразброс в руках у массы. А внизу темно, — свету электрического не было на площади.

... Вечер. Зажжены вокзальные огни. Световые веера наведены на приближающийся поезд.

... И вдруг слышен паровозный гуд, и крикнул рабочий класс:

— Приехали!

... Состав мягко подходит к дебаркадеру. Кажется, что платформа качается. Красногвардейцы, краснофлотцы, солдаты армии и представители рабочих стоят неподвижно.

Музыканты ударили в медные тарелки. Поезд остановился под лучами фонарей.

Выходит Владимир Ильич, и на руки его хочет взять восторженный народ.

... Ленин был одет точь в точь, как сейчас на памятнике: в черном пальто, расстегнутом, с непокрытой головой, а кепку взял в карман.

... Я же стоял рядом. Ему сказали:

— Владимир Ильич, вас ждет почетный караул рабочих и военных.

Броневик уже стоял у вокзала. Пулеметы были направлены на аптеку.

Апрельский холодноватый вечер. Мы знали — это наш броневик.

... И двинулись все к нему навстречу.

Но были остановлены: нельзя же всем, ему пройти бы негде.

... Первый его шаг из вагона был решительный. Он своим взглядом окинул всех присутствующих и расценил стоящие перед ним силы. С презрением

прошел мимо хранителей капиталистического строя и ничего не отвечал оратору, пытавшемуся говорить от Временного правительства. И эти все временщики превращены были одним лишь взглядом Ленина в ничто.

А Ленин рванулся на площадь к народу.

... Он хотел стать на площади вокзала. Но ему предложили взойти на броневик. И он моментально взлетел вверх, приподнятый матросами и рабочими.

Взошел на броневик и стал высоко. И поднял руки вверх и как бы застыл. И эта поза его осталась в рабочих сердцах.

... Он стоял в пальто, расстегнутом. Помню его непокрытую голову, фуражку в кармане.

... Сперва, на одну минуту немного растерялся. Но потом как заговорил, — морщины расправились у него, и он тогда у Финляндского вокзала прокричал тезис переустройства мира.

РАПОРТ

Двадцать пятого октября я находился в Смольном. Наступала ночь. Смольный загорелся огнями.

Я с товарищами расположился в одной из дежурных комнат. Винтовки наши стояли у стены.

Ждем. Охватывает особенное чувство. Знаем, что в эту ночь произойдет небывалое — весь рабочий класс встал под ружье.

В дежурной комнате полутемно. Некоторые, сидя, дремлют, другим не сидится ничем. Рядом с нами за коридорными стенами заседает с'езд.

Вдруг передают шопотом:

— На трибуне — Ленин.

Все — и бодрствующие, и сонные — вскочили и устремились в зал, не замечая, что нарушается дисциплина.

Вход в зал охранялся нашими же путиловцами. Мы тихо открыли дверь. Вошли. Остановились. При полной тишине говорил Ленин.

Решался коренной вопрос — война или мир.

В эту ночь на буржуазный мир налетел шквал и в плохо освещенном городе Смольный выглядел ярким океанским судном.

Под утро я заснул на полу. В половине одиннадцатого меня разбудили:

— Тебя вызывает Ленин.

Я растерялся. Думаю — поддразнить хотят.

— Полно смеяться, товарищи.

— Еремеев, с тобой не шутят.

— Нет, в самом деле?

— Крестом, что ли, тебе поклясться? Подготовься, тебе придется выступить с рапортом.

Собрав необходимые сведения, я готовился к боевому докладу. И я по-военному забурил:

— Разрешите доложить, товарищ Ленин, что рабочие Путиловского завода в количестве стольких-то человек, такими-то дружинами выступили на Зимний дворец часов около двенадцати ночи в полной боевой готовности. Точка. В районе же Нарвском никаких происшествий в эту ночь не произошло. Юнкерские банды не появлялись. Точка. Весь район находится в боеспособном состоянии. В Петергофском Совете Рабочих Депутатов происходит круглосуточное дежурство. Точка.

Все это вызубрив, направился без винтовки к Ленину.

Коридором прошел в зал, приблизился к двери, у нее стояло два наших путиловских красногвардейца.

— Меня вызвал Ленин, разрешите пройти.

Двери бесшумно открылись, и я робким шагом, на носках вступил в комнату. Оцепенел: в углу, напротив меня, за небольшим письменным столиком сидел Ильич. Он писал, не замечая, что кто-то вошел в комнату. Я подошел к столу, взял под козырек и слегка ударил каблуками.

— Имею честь явиться, — осторожно произнес я, вытянувшись по-военному, взволнованный и смущенный.

Ленин поднял голову и смутился больше меня.

— Что вы, что вы! Садитесь!

Со стулом продвинулся вперед, положил перо. Усадил меня и попросил объяснить цель прихода.

— Я от Путиловского завода. По распоряжению дежурного коменданта. Доложить о происшествиях... в нашем Нарвском районе.

Мой заученный рапорт вылетел из головы, пришлось рассказывать без всякой рапортовки.

Ильич улыбнулся.

Я ожидал увидеть сурового, властного человека, который может и накричать, а оказалось — он себя ничуть не ставит выше других.

Но это не уменьшало моего уважения к Ленину, а наоборот — усиливало. И возрастало чувство любви.

Я рассказывал, а он все писал. Это придавало мне смелости. Делал ли он вид, видя мое смущение, будто работает над чем-то другим, или же он действительно обладал способностью заниматься несколькими делами сразу?

Я думаю, Владимир Ильич продолжал серьезно работать и в то же время не менее серьезно слушал меня. Он при мне закончил страничку и начал другую, не переставая задавать мне вопросы.

Вместо коротенького рапорта я сделал живое сообщение, которое Ленин с интересом выслушал.

Я вышел из комнаты Ленина взволнованный. Шел в дежурную комнату, и мысли мои кипели.

Меня окружили и стали расспрашивать:

— Рассказывай, Еремеич, скорей рассказывай — как он тебя принял, что он тебе сказал?

В СМОЛЬНОМ

Начальник Красной гвардии уже смолоду имел стремление померяться силами с буржуазией и кости ей потрясти,—как говорят финны, «кай-килопу» сделать старому миру. Одевался этот товарищ очень просто, маникюром, конечно, не занимался и, даже бриться приходилось ли ему — не помню.

... Была поздняя ночь. Белый туман. Холод. А у Смольного костры горят, охраняют штаб революции двадцать охран, двадцать цепей. Броневики — в полной готовности.

Пасмурен, печален и тих снаружи Смольный. А внутри шумит штаб революции, сердце и мозг страны.

Предстали мы, три товарища, перед цепями охраны. Из Петропавловской крепости взять пропуск мы не успели за поздним временем. Идем с пустыми руками.

Останавливают нас моряки с винтовками наперевес, с наганами, ручными гранатами, вооруженные с ног до головы.

Наш комиссар, старый подпольный работник, говорил один за троих. Моряки Смольного чувствовали в нас товарищей, но только после тщательной проверки пропустили нас, — мы прошли через трое дверей, мимо вооруженных патрулей.

Пройдя по коридору шагов двести с лишним, очутились перед кабинетом Ленина, в первом этаже.

Комендант в военно-морской форме, парень стро-

гий и изящный, остановил нас у дверей и пошел докладывать Ленину.

Через открытые двери мы увидели темную комнату.

Зажегся свет, нас пригласили войти.

В кабинете стояло шесть старинных письменных столов. Трое из товарищей Ленина лежали на столах. Видно, они давно не спали. Ленин тоже дремал, сидя в кресле, облокотившись. Но он уже не спал и смотрел на нас.

Наш командир поздоровался с Лениным и рассказал о положении, заставившем нас прибежать к нему. Что поздно пришли, — об этом разговору не было. Время такое: Ленин день и ночь принимал.

Ленин выслушал внимательно.

Командир торопился высказываться:

— Имеющаяся в моем распоряжении Красная гвардия выступила против белых. И сейчас в Белоострове положение архитревожное. В Левашове, в крепости команда, составленная из царских опричников, еще стоит крепко. Октябрь ее не тронул. Держиморды! Боимся, что чуждые нам остатки из проезжих царских солдат соединятся с левашовцами. А у них силы серьезные, пушки и пулеметы в крепости, а крепость там — старокаменный дворец. И вот просим тебя, Владимир Ильич, дать нам указание, что делать: или арестовать, разоружить, или... что же?

Ждет командир, и ждем мы с командиром ответа от Ленина.

Он подумал немного и сказал:

— Не теряйтесь! Настроение массы за нас. Соберите ребят, организуйте отряд и двиньтесь!..

Просияло лицо командира — окрылился человек. И мы, как орлы какие, крыльями взмахнули. Ленина поблагодарили, простились с ним.

Шли из его кабинета, как будто уже дивизию разгромили. Вот понять не могу, чем таким особенным он нас прохватил. И слова-то его простые.

Охрана смотрела на нас, дружески улыбаясь: мы шли к Ленину с опущенными головами, растерянные, взволнованные, возвращаемся бодрые, веселые, будто нам и море по колено.

Идем и чувствуем: ленинский глаз смотрит на нас и руководит нами неустанно.

Мы миновали последнюю цепь и вышли из ворот Смольного. Кругом темно и тихо. Город застыл.

Мы повернули направо и по Захарьевской прошли к Литейному мосту, как бы купаясь в густом тумане.

Шли быстро, разговаривая, друг друга перебивая. Чувствовали, еще предстоят большие схватки.

И теперь, вспоминая начало восемнадцатого года, я все переживаю снова, будто время не унесло все это в невозвратное прошлое. И правда, и незначительные, казалось бы, события тех дней легли зерном в почву будущего. Не знает смерти великое дело Ленина, и светится в мыслях моих будущая земля, вся без остатка преображенная — от Ледовитого океана и до окраин всех морей.

СГУЩЕННОЕ МОЛОКО

Петроград охватила безработица, тяжелое продовольственное положение. Война все обобрала и очистила под ноль.

Малым детям нехватало молока, а у меня их было пять человек — мал-мала меньше, от тринадцатилетнего до восьмимесячного. Выдали мне карточки на получение молока — сгущенного, американского.

Выстояла я на морозе большую очередь. Мне выдают одну банку, а мы едем в Сибирь, и ехать три недели. Как же я одной банкой обойдусь?

А на собрании нас предупредили: что бы ни случилось — обратиться в партийный комитет Стеаринового завода.

Собралось нас, таких матерей, пятеро, и пошли. В комитете нашли секретаря, Парфен звали его, фамилию забыла.

— Идите, — говорит, — в Смольный — вам там дадут по 10 банок. — Смеется и подписывает бумажку: направляются, дескать, в Смольный за молоком.

Вот мы и отправились в Смольный, на Старые Пески.

А тогда ведь стража кругом, охрана. Смотрим — стоят вооруженные рабочие, солдаты и матросы. Как итти? Стесняемся, жмемся. Потому что в валенках. А солнечная погода уже растеплила снега, и валенки у нас мокрые.

Торопясь, приводим себя в порядок у входа в Смольный. Кто снег отряхает, кто валенки выжимает, кто чем может себя охорашивает.

В это-то время и шел аллеюшкой товарищ один по тропинке, которая ведет к теперешнему Дому крестьянина. Вышел он из средних ворот, в кожаной тужурке, в сапогах и в кепке. Подходит к нам, а мы и не обращаем внимания. Когда он нас спросил:

— К кому идете?

Со смехом ответили ему:

— Лично к Ленину.

Пошутили.

— К Ленину? — серьезно переспросил прохожий.

— Да, к Владимиру Ильичу.

— Зачем?

— Я-то, видите ли, еду в Сибирь. Пятеро детей. Молока бы.

— Вам не отпускают?

— Отпускают одну банку, а у меня пять человек детей, а ехать три недели.

Он обратился к другим:

— Вы тоже по этому делу?

Все ответили:

— Да.

Хотя соврали. Они не ехали в Сибирь, но и здесь хотели чай белить американским молоком.

Тогда он сказал караульному:

— Пропустите их.

А сам прошел дальше в дверь, впереди нас.

У двадцать девятой комнаты он вдруг исчез. Очутились перед секретарем:

— Как вы прошли сюда? Кто вас пропустил и зачем?

Начали объяснять:

— Пришли, как видите, в Смольный, а кто пропустил, мы этого человека не знаем.

А он как-раз, тот товарищ, из других дверей и выходит, раздевшись, без кепки. Секретарь к нему обращается и, показывая нашу бумажку, объясняет:

— Пришли, — говорит и указывает на нас, — эти женщины с Шлиссельбургского проспекта.

Он улыбнулся.

— Я знаю. Они ко мне пришли. Отпустите им по пять банок молока.

Мы опешили: Ленин, сам Ленин! Вот уж нескладно получилось. В каком виде застал он нас.

Стоим, как мокрые овечки. Я растерялась больше всех.

Он подошел ко мне.

— Когда вы едете?

— Сегодня вечером.

— Все ли достали из вещей?

— Теперь, с молоком, будет все.

— Как с отправкой?

— Обеспечена.

Выслушал меня Владимир Ильич и говорит:

— Ну, добрый путь. Счастливого вам успеха.

И подал мне руку. Я растерялась.

Он взглянул на секретаря и проводил нас веселым добрым взглядом. Улыбнулся и ушел к себе.

Вот такая встреча произошла!

НА ФРОНТ

Регулярная Красная армия сформировалась из рабочих. Бомбы висели на ремнях, носили мы солдатские ботинки и обмотки. Одним словом, дым заводов сменили на порох, цех — на поле битвы.

Мы отправлялись против Краснова под Воронеж. Накануне отправки к нам на Ходынское поле приехал Ильич. Вышел из машины, стал на крыло автомобиля.

Он говорил об октябрьских боях. Говорил: рабочий класс уже не одну взял крепость. Нет силы, которой рабочий класс не мог бы победить.

Рабочие, одетые в шинели, Ильичу ответили:

— Начатое дело доведем до конца.

ЧТО Я ЕМУ СКАЗАЛ БЫ

Теперь я уже многое забыл. Память плоха стала. Мне семьдесят четыре года. Но Владимира Ильича помню хорошо.

Вскоре, как он появился в Москве, пошли рабочие с нашей фабрики в Большой театр на большое, очень торжественное собрание.

А я ведь на фабрике с девятьсот первого года,

а родился еще при крепостном праве. Мне и говорят:

— Хочешь, Иван Ильич, Ленина послушать?

Как же не хотеть? Читать я про него много читал: и маленькие брошюрки, и большие книги. А когда был молодой, и газету «Искра» читывал.

И я пошел со всеми. Я даже, помню, принарядился в праздничный пиджак. Думаю: пойду, поблагодарю Владимира Ильича за все, благо случай пришел.

В Большом театре все места заняты. А меня заперевали наверх. Взглянул я вниз: где уж тут поблагодарить — увидеть бы, услышать мудрого человека — и на том спасибо.

Поглядел я на собравшихся:

— А где же, спрашиваю, Ленин-то?

Не успел я это проговорить, как захлопали все и давай ура кричать.

Перевесился я через бархатное покрывало из кибитки, в которой сидел, — как она, ложа, что ли, называется? — смотрю, а он там, внизу стоит.

Стоит, и видно, что он говорить желает. Пока ему хлопали, вынул он из кармана платок, вытер пот с лица, сунул руку за борт пиджака и начал:

— Теперь, — говорит, — всем нашим самым законенным врагам, всем Колчакам и подколчакцам должно быть известно, что республика наша живет, власть рабочая-крестьянская здорова, и что эта власть советов есть вихрь, ураган, который закрутился на всей земле.

Если бы знамо было тогда, что будут и меня, Кондракова, спрашивать про Владимира Ильича, я бы тогда записал, что он говорил для нас, какие он делал нам наставления. Можно пожалеть, что я этого не сделал.

Если бы не было там в тот вечер так много нашего брата, я бы к нему пошел и сказал:

— Кроме меня самого и моих мозолистых рук, у меня, дорогой Владимир Ильич, ничего нет. Возьми их и используй на защиту свободы и на развитие нашей жизни.

ВЕТЕРОК

Владимир Ильич, большой любитель природы, однажды зимой, видимо, очень переутомившись, высказал желание поехать хотя бы на часок за город, побродить по лесу и подышать свежим зимним воздухом.

Присутствовал при разговоре один шофер из кремлевского гаража, он и предложил:

— Владимир Ильич, хотите, я вас в Подсолнечное к Сенежскому озеру свезу. Там на конном заводе мой дядя наездником. У него хорошо — лес кругом. Найдется, где походить на лыжах, и поохотиться есть где.

Ильич ухватился за предложение.

— Уж если поехать, — сказал он, — то нужно и поохотиться.

И попросил приготовить на утро машину. И выехать с таким расчетом, чтобы провести день, а к вечеру вернуться на какое-то ответственное совещание.

Рано утром шофер заправил машину и подал Владимиру Ильичу. Ждет и думает: «Наверное, ему разохотилось».

А Владимир Ильич выходит в дубленой шубе с лыжами и ружьем, такой довольный. Укладывает лыжи, улыбаясь, говорит:

— Ну, задам же я перцу сегодня зайцам!

— Да уж будьте покойны — походить есть где! Жаль только, что не лето, а то там озеро большое — глаз не оторвешь. Диких уток, рыбы — руками бери.

Отбыли из Москвы, когда чуть светало. Миновали Фирсановку, Крюково, а там рукой подать и Подсолнечное.

Утром на крыльцо в шубе нараспашку вышел комиссар конного завода. Увидав подъезжающий автомобиль, удивился: «По какому делу, — думает, — в такую рань?».

Автомобиль остановился. Из машины выскочил племянник наездника.

— Гостя, — говорит, — привез, Михаил Николаевич, принимайте!

Из автомобиля выходит человек с ружьем, лыжами, направляется к крыльцу. Комиссар сходит к нему навстречу и отрекомендовывается. Человек с

ружьем, в свою очередь, подает руку и называет свою фамилию.

От неожиданности комиссар сделал шаг назад, взглянул на приезжего и еще дальше попятился.

Владимир Ильич ему улыбнулся:

— Давненько я, — говорит, — не видел ни неба зимнего, ни леса, поохотиться к вам приехал.

— Очень рады, милости просим, — сказал, немного придя в себя, комиссар завода. — Проходите ко мне в дом, пожалуйста. Отдохните, закусите с дороги. Чем богат, тем и рад. А я сейчас.

Собирается бежать распорядиться. Но Владимир Ильич его просит не беспокоиться и проходит вслед за ним в дом.

На столе пытит самовар. Жена комиссара завода расставляет посуду. Узнав Ленина, остолбенела.

Сели за стол. Хозяин предложил Ильичу перед охотой поесть щей.

— Да я с собой захватил всякой снеди, спасибо, — поблагодарил Владимир Ильич.

Развязал узелок и вынул завтрак. Но хозяйка все же подала Ленину тарелку со щами.

У гостя в узелочке было несколько бутербродов. Он разложил их на столе, а сам с удовольствием поел щей.

Пока закусывали, шофер сбегал за своим дядей — наездником. Пришел дядя, любитель охоты, и Владимир Ильич направился с ним в лес.

Где и как они бродили — неизвестно. Ходили, ходили, — хотя бы паршивый зайчишко перешел

дорогу. Как на грех — и следа нет. Спутнику Ильича даже неудобно стало.

— Вот досада, — говорит, — хоть бы общипанный какой выскочил.

— Мне неважны, — говорит Владимир Ильич, — зайцы, может, я, и встретив, не стал бы бить. Я рад, что походил, а зайцы пустяк.

Побродив по лесу без единого выстрела, к вечеру Ильич вернулся на завод.

Был приготовлен самовар, но он поблагодарил за внимание и заторопился в Москву.

Пока заправляли машину, комиссар завода очень осторожно подыскивал повод увлечь Ленина посмотреть на лошадей и настойчиво тянул в конюшню.

— Мне сейчас некогда, — говорит ему Ильич. — Я как-нибудь в следующий раз приеду и посмотрю.

Но не успели они от'ехать полкилометра, — застряли в снегу. Трудно сказать, что случилось с автомобилем, но все старания шофера пустить машину оказались безуспешны.

Владимиру Ильичу пришлось вернуться на завод. Ему предложили поехать до станции на лошади. Вынув часы и недоверчиво улыбувшись, безнадежно покачал головой — до поезда оставалось двенадцать минут.

— Не беспокойтесь, товарищ Ленин, — успокаивал его комиссар, — доставим вас к поезду во-время, побыстрее автомобиля.

Через несколько минут, нервно вздрагивая и наострив уши, перед Владимиром Ильичом стоял запряженный в легкие сани Ветерок, знаменитый рысак.

Владимир Ильич сел в сани и скрылся в сумерках зимнего вечера.

Ветерок не бежал, а стлался по дороге, показывая и класс, и резвость. Приближались огоньки станции.

Когда Владимир Ильич, запорошенный снегом, вышел из саней и посмотрел на часы, оказалось, что до поезда еще остается время. Он был поражен.

— Никак не мог допустить, что успеем, — сказал Владимир Ильич, стряхивая снег, — оказывается, неплохо иметь к автомобилю и хорошего коня.

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Эту историю я знаю со слов покойного Демидова, он рассказал мне ее по телефону в 20-м году, когда я был помощником секретаря смоленского губкома, а он председательствовал в уисполкоме в городе Белом.

Там большие леса. Хорошая охота. Туда Владимир Ильич с товарищем и направился однажды зимой, и, чтобы не привлекать к себе внимания, поехали в общем товарном вагоне.

Выйдя из поезда, пошли в лес и стали охотиться. Но кто-то заметил двух странных людей с ору-

жем, их нагнали в лесу, задержали и представили в город Белый. В то время бандиты хозяйничали в уезде.

Председатель уисполкома сейчас же позвонил в Смоленск и вызвал губком.

— Кто у телефона? — спрашивает. — Помощник секретаря губкома? Товарищ Шубин? Я задержал в лесу двух охотников. Один из них утверждает, что он — Ленин. Как мне быть? Отпустить или же обезоружить и отправить в Смоленск?

Я ему сказал:

— Этого ты не делай. Самое лучшее подожди. Я сейчас найду секретаря губкома.

Привожу секретаря. Он по телефону переговорил лично с товарищем Лениным и очень смутился за неловкость Демидова. И долго извинялся.

Так неудачно в тот раз окончилась охота Ильича.

В ЛЕСУ

Ильич имел чуткость к природе и любил охотиться. Когда попадал в лесистые места, непременно брался за оружие. Лучшим отдыхом для него была охота.

В двадцать втором году в предместьи Горок однажды в яркий зимний день, когда от мороза лопались деревья, а зайцы зарывались глубоко в снег, я охотился за ними. Одного из них разыскивал по следам, сонного в логове. За зайчишкой я ушел довольно-таки далеко.

Потеряв надежду найти его, я вернул собаку и пошел в другом направлении.

Гончар, бежавший впереди меня, остановился, наострился, заворчал — признак встречи в лесу с посторонним.

Я услышал в стороне голоса и пошел туда. На небольшой поляне стояли три человека. Двое из них дымили папиросами. Третий из них, не куривший, был среднего роста, в высоких валенках, в меховом полушубке, в барашковой шапке с ушами. Руки он засунул в рукава, подмышкой сжимал приклад бескуркового тульского ружья. Все это мне, как сейчас помню, бросилось в глаза. Производил он очень приятное, располагающее впечатление.

Когда я появился на поляне, охотники посмотрели на меня и, главным образом, на мое двуствольное шомпольное ружье. А я — пацан-мальчишка в овчинном полушубке красной деревенской дубки, в подшитых валенках, на самодельных лыжах—имел вид деревенского охотника.

Некурящий товарищ, улыбаясь, спросил:

— Ну, паренек, а где же зайцы?

— Гонял двоих, — отвечаю, — но постигла полная неудача. Даже выстрелить не пришлось.

— А много ли тебе удавалось убивать зайцев?

— Да приходилось, — ответил я.

И рассказал об удачных своих вылазках.

Распростился он со мной:

— Ну, счастливо.

— Ни пера тебе, ни пуха, — шутливо добавил его товарищ.

Это значит — если придется ударить по зайцу, пух пойдет, а убить — не убьешь. А по птице ударишь — перья полетят, а птица улетит.

Я ушел.

И только после уже, по портрету, я догадался, кто был этот охотник. То был Ленин, часто охотившийся в этих местах.

Вот мое первое свидание с Ильичом. А второй раз я его увидел в мавзолее, под Кремлевской стеной.

ОХОТНИКИ

Года два до смерти по Рязанской дороге, через Шевлягино, на Куровскую Ильич приехал на охоту в самарский лес. Лес там сосновый, яркозеленый, на мшистой почве. Глухари в нем — на одиннадцать-двенадцать фунтов. Есть рябчики. Идешь на ток в глубь леса — бьют тебя по лицу еловые ветви.

Однажды днем встретился я в этом лесу со своим приятелем Степаном Чуркиным из Минина, а это — страстный охотник.

День был хороший, солнечный. Август.

— Ну, как охота твоя клеится? — спрашиваю я Чуркина Степана.

— Ленин был со мной на охоте. Поохотились хорошо, только что без собак, — отвечает Чуркин.

— Ленин был в Минине на охоте?

— На автомобиле приезжал с товарищами.

Сели покурить.

Какой у охотников разговор? Кроме зверья и оружия, говорить не о чем. А тут о Владимире Ильиче как об охотнике — интересная тема!

— А товарищ Ленин, — спрашиваю, — в охоте специалист или любитель? Что его прельщает?

— Ему, как и нам с тобой, охота — лучшее на свете наслаждение. И старик себя чувствует молоденьким, когда с ружьем бежит в лес.

— Значит, любитель?

— Любит Ленин, очень любит природу. А разве есть лучший способ сблизиться с природой иначе, как с ружьем в лесу?

— Выходит, он на охоте отдыхает?

— Все забывает. Голова отдыхает. А ты ведь знаешь, сколько Ильич работает.

— Я слышал, правда ли, — перебил я Степана, — что с охоты он не уезжает пустой, всегда, слышь, с дичью, с тетеревами, утками, с бекасами.

— Да, на сей раз Ленин вернулся в Москву из самарского леса с тетеревами.

Разговоры на охоте короткие. Докурили папиросы, и я ушел от собеседника в лес.

Я подходил под глухариное токанье. Птица тянула свою песню-трель и, несколько раз переливая, обрывала ее.

«Кто-то ему мешает,—думаю,—продолжать песню».

Я же подходил очень аккуратно, делая по два быстрых прыжка.

Наконец, подошел к дереву шагов на пятнадцать. Глухарь токует, но стрелять темно. Он — на сосне, но не видать его.

Стал я осматриваться кругом. Вижу — стоит человек. Откуда он появился? Я не слышал его подхода.

«Вот, — думаю, — охотник этот уж действительно не промажет».

Прошло минут десять. Вижу — он подымает ружье и целится. А я стою в темноте. Выстрел — и глухарь падает к моим ногам.

Оказался он охотником из Москвы и прокурором Республики.

Это было в том месте, где охотился и Ленин. Очень жаль, что не пришлось мне поохотиться с ним. У меня ведь хорошие собаки — и, обратись ко мне Ильич, я бы его угостил лучшей охотой, чем Чуркин.

Сказал бы я ему:

— Владимир Ильич, приезжайте ко мне на выходной день. Пойдем на глухаринный ток. Я знаю хорошие тетеревиные места. Ой, куда б я вас завел! С трех утра и до восьми мы набили бы с вами по десятку тетеревов.

Он приехал бы ко мне накануне выходного дня,—ночевал бы у меня, и мы бы с ним раненько пошли в тот самарский лес пешком.

И если бы такой случай представился, Ильич у меня в памяти стоял бы, как образ природы.

ПЕШКОМ ПО МОСКВЕ

Да, частенько приходилось видеть Ильича бодрствующим поздно ночью. Когда уже все спят и в большинстве зданий потушены огни, выходит он на любимое место прогулок, на дорогу над набережной. Внизу, на уровне колен, крепостные зубцы. Через них видна Москва-река.

Тишина. Ночь темная, никого на набережной. Впечатление, что весь мир спит и только один Ленин бодрствует.

Однажды в полночь Ленин приехал к зубному врачу на Чистые Пруды. Вышел из машины и говорит шоферу:

— Поезжайте домой, машина мне не нужна.

Вышел от врача и пошел пешком по Чистым Прудам, по Мясницкой.

Идет, смотрит по сторонам. Где афишу увидит, станет, прочтет и — дальше, как и все прохожие. Народу много, и никто как будто не замечает.

Иной повернется, остановится:

— Смотри — никак Ленин!

Посмотрят — и продолжают путь.

Это было в хорошее зимнее время. И, должно быть, Ленину очень интересно было пройти по улицам Москвы.

НА ЛЕСТНИЦЕ

Я подымалась по лестнице в кабинет к товарищу Свердлову, а Ленин спускался вниз по той же лестнице. И когда встретились, я смутилась и даже отшатнулась в сторону.

Он улыбнулся:

— Что вы так смутились?

А я — с фронта. У меня сумка военная через плечо. Я только что из телячьего вагона...

В ДВЕРЯХ

Однажды сижу я в «Метрополе» у круглых дверей, вертящихся, как вечный двигатель. И вдруг вижу — идет знакомая фигура в демисезонном пальто и несет пропуск в развернутом виде.

— Ба! Владимир Ильич!

Я застыл от удивления. Ленин без всякой охраны.

У ИВЕРСКИХ

Проходил я по Красной площади. Из Иверских ворот выходит Владимир Ильич и направляется через площадь пешком. Шел свободно. Публика узнавала его.

Помнится мне, как один из рабочих — на вид лет сорока — сказал рядом проходящему:

— Вот наш любимец, самый лучший товарищ!

Ему другой ответил:

— Да, уж этого действительно можно уважать. Не было таких.

В ОЧЕРЕДИ

В Москве, в Кремле, есть парикмахерская. И тогда, в двадцать первом году, парикмахерская была неплохой. Один раз только я в ней был, во время командировки: возил оружие в Кремль, в склад, из Петропавловской крепости — винтовки, шашки и разные огнестрельные принадлежности.

И вот я попал в первый раз в Кремль московский. Зашел бриться. Нас было человек шесть, ожидающих очереди.

И вдруг в парикмахерскую входит Ленин, тоже бриться. Встали все и с ним поздоровались:

— Здравствуйте, Владимир Ильич!

— Здравствуйте, товарищи!

Он вынул из кармана журнал и стал читать. Мы сидели и смотрели на него, не отрывая глаз.

Прошло короткое время, кресло освободилось. Предложили Ильичу занять место не в очередь.

— Благодарю вас, — говорит Ленин, — мы должны соблюдать очередь и порядок. Законы ведь сами создаем. — Он стал ждать свою очередь.

С НИМ ПО СОСЕДСТВУ

Я жил в Чудовом монастыре. Был строительным рабочим-маляром. Мое окно было обращено к под'

езду Дома правительства, и как раз тот под'езд служил входом в квартиру Ильича.

Часто приходилось видеть Ленина. Я видел его гуляющим под тополями. Иногда он дожидался автомобиля — буквально в трех шагах от меня.

В двадцатом году первого мая пушка с Красной площади возвестила Москве о всероссийском субботнике. Мы, кремлевские рабочие и совнаркомовские служащие, расчищали Драгунский плац от досок, щебня и разной шушеры. С нами работал и Ленин. У него была в руках кирка.

По окончании работы я стоял у входа на плац и с любопытством смотрел на работающего Ленина.

Помню, передавали такой случай:

Драгунский плац был обнесен решеткой, и у ворот стоит часовая. Ленин и какой-то высокий военный взяли доску и потащили ее в сторону.

Вблизи ворот, за оградой, они ее сбросили. Военный повернулся и пошел.

Часовой крикнул:

— Здесь бросать не полагается.

Тогда Ленин взял доску и оттащил ее в сторону.

Окончив работу, я шел к себе. Вижу Ленина, быстро идущего по панели после субботника.

КОГДА ЖЕ ОН СПИТ?

Мой отец работал в Кремле, а жили мы с отцом на Поварской, и я училась в школе.

Он частенько рассказывал о Ленине, и по его рассказам я полюбила Ильича.

— Удивляюсь, — говорил отец, — когда Ильич спит. Проходишь рано утром — у него свет. Очень поздно — в час, два, у него все еще горит огонь.

— Когда же он спит? — спрашивала я отца.

— Об этом и я думаю.

— Мне очень хочется повидать Ленина. Когда же ты меня возьмешь в Кремль?

— Как-нибудь возьму.

Раз приходит отец и говорит:

— После семнадцатого года много валялось деревянных балок, бочек от баррикад, и комендант Кремля попросил рабочих очистить закоулки. И знаешь, кто работал с нами? Владимир Ильич. Он вышел и говорит одному из работающих:

— Возьмите, что ли, это бревно?

Взяли с ним балку и понесли.

— Мы и без вас, Владимир Ильич, справимся, — говорят рабочие, — а вы идите. У вас поважнее дела.

— Раз это сверхобычная работа, — говорит Владимир Ильич, — все должны участвовать.

— Пожалуйста, Владимир Ильич, уж поручите это нам.

А он — ни в какую.

Таким образом, дочка, я с Лениным сегодня работал на субботнике.

— Так возьми же меня, говорю, в Кремль, ведь очень хочется посмотреть Ильича.

— Ладно, при первом же удобном случае непременно возьму.

А однажды приходит отец домой и говорит:

— А вот сегодня вечер. У меня два билета, и ты пойдешь.

Я стала прыгать и обнимать отца.

— Будет ли Ленин?

— Может, и будет, точно не могу сказать.

А я смотрела ему в глаза и внушала себе, что Ленин будет.

Мы дошли до высоких Троицких башен и по мосту прошли в ворота.

Идем Кремлем — глазам светло. Везде чисто, будто вымыто. Думаю: «Это с того момента, как Ильич на субботнике показал пример».

Все дети, присутствовавшие на вечере, сидели на первых скамейках. Выступал Владимир Ильич.

Окончив речь, он сел среди детей.

Все старались вести себя тихо. Ильич смеялся:

— Вы всегда такие тихони? Ай-ай-ай!

С ним рядом сидела девочка и мальчуган. А я чуть подальше и завидовала.

В тот вечер я думала: как много трудов положил Ильич, чтобы нас, лишенных радостей, приобщить к счастью человечества.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВСТРЕЧА

В двадцать втором году динамовцы решили вторично пригласить Владимира Ильича на завод. Отправили в Кремль меня, председателя завкома, и секретаря ячейки.

... Как сейчас помню — я держал подмышкой красную книгу. Вокруг никого не было.

Открываются маленькие боковые двери, и выходит Ильич.

— Здравствуйте, динамовцы! Здравствуйте, товарищи!

Пожал руку мне и секретарю ячейки. Но тот точно онемел. Взглянул я на него — бледен. А я стал с Лениным речь держать. Не растерялся.

— Чем могу служить? — спрашивает Ленин.

— Владимир Ильич, вчера на общем собрании рабочие поручили нам обратиться к тебе с тремя просьбами. Первая — динамовцы спрашивают, как ты себя чувствуешь. Рабочие опечалены, Ильич. Ты нездоров? Второе — динамовцы просят тебя и в этом году седьмого ноября пожаловать к ним в гости, подобно тому как ты посетил нас в прошлом году. И третья просьба — мы создали историческую книгу в память посещения завода любимыми товарищами и просим тебя расписаться первым. Ведь ты был у нас в прошлом году.

Ильич ответил:

— Я очень тронут заботами динамовцев. Видите, я совершенно здоров. Не беспокойтесь. Я себя

чувствую прекрасно, работаю нормально. Передайте большую мою благодарность рабочим. Завод помню хорошо. Нас с вами подымала на лифте старая работница, я ее хорошо помню. И вас всех. Первое мое выступление будет на «Динамо».

Подошла третья просьба. Я передал Ильичу книгу и попросил расписаться.

Он задал вопрос:

— Зачем это нужно?

Я ему ответил:

— Я тебя убедительно прошу от имени рабочих.

Он взял стул, сел за стол, посадил нас. Я раскрыл первую страницу, он обмакнул перо и написал: «С коммунистическим приветом. Ульянов-Ленин».

— Хватит? — спросил.

— Хватит, — ответил я. — Спасибо, Владимир Ильич. Значит, мы тебя ждем.

— Да, я седьмого буду. Не хотите ли чаю? — спросил Ильич.

Поблагодарили — нам не до чая. Завернули книгу и пошли.

И вот седьмое. Собралось несколько тысяч рабочих. У всех праздничные лица. С нетерпением ждут и говорят:

— Вот-вот Ильич придет.

А лифтерша Выжгина, непрерывно подымая людей, чистит, полирует под'емник. Ждет с волнением и каждый раз, спустившись, вздрагивает, открывая двери.

Меня на всех перекрестках останавливают:

— Скоро ли?

Ильича все нет. Волнуемся. Звоним в Кремль — нам отвечают:

— Владимир Ильич занят, приехать не может. Вместо себя пришлет докладчика.

Я подумал — не заболел ли Ильич вторично?

И действительно — он заболел.

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

Это был последний выезд Ленина из Горок в Совнарком. Это был последний проезд Владимира Ильича по Каширскому шоссе, последнее прибытие Ленина в вечно живой, кипящий Кремль.

Было это так. Гулял Ленин по парку в Горках в раздумьи. Вдруг подходит к гаражу и просит машину. И Гиль повез.

Завидя Москву, Ильич обрадовался и рукой показывал, куда его везти. Машину повернули с Серпуховской площади налево. По Коровьему валу везли Ильича мимо сельскохозяйственной выставки. И, завидя выставку с сотнями высоких павильонов всех народов СССР, Ильич был взволнован до крайности.

Проехав Крымский мост, Гиль повернул по Остоженке и выехал к Кремлю. Ильич в'ехал в Кремль, вошел в свой кабинет и некоторое время пробыл в нем.

Переночевав, вернулся в Горки, шумящие осенни-

ми листьями, и больше он не был в Москве и уже не видел Кремля.

ВНЕЗАПНАЯ ВЕСТЬ

Я жила на Выборгской стороне, в Лесном.

Был праздник. Наш драматический кружок готовился к постановке. В пять часов в этот зимний морозный вечер мы вышли из общежития, нагруженные костюмами и бутафорией.

Идем веселой компанией после первой удачной репетиции. Наши гатчинские комсомолки в этот праздник оделись все одинаково — в красные свитера и черные юбки.

Идем мы по Лесному парку, шутим, смеемся. Бьюга только что утихла.

Попадается нам на дороге крестьянин, везет на санях сено. А мне для пьесы нужна была солома — поджигать барскую усадьбу. Я ее решила заменить сеном.

Подхожу к нему и говорю:

— Дяденька, дай, пожалуйста, немного сенца.

Он резко:

— Что вы здесь балуете? Не знаете, что Ленин умер?

— Что?! — оторопела я. — Что ты сказал? Повтори.

— Чего повторять... говорю тебе, Ленин умер.

... Мы побежали в техникум. Едва открыли дверь — увидели хмурые лица.

— Собери актив, — сказали мне.

Открывается дверь, и входит высокий Константин Сигизмундович, смотрит на нас строго, а сам не может говорить.

Он приблизился к нам и не своим голосом произнес:

— Ребятки, Ленина нет!

Один из наших парнишек не смог смолчать:

— Ну, и я жить не буду.

Тут наш старший товарищ крикнул:

— Ребята, голову вешать нельзя! Ленин умер, но дело его будет жить.

Хотя он нам и говорил, что плакать нельзя, но у самого голос сильно дрожал. Мужественное поведение старшего товарища подействовало на нас. Мы подняли головы и дали обет, что каждый из нас неотступно пойдет по пути Ленина.

Мы жили вместе, шестеро девушек. Дома мы не стали зажигать свет и улеглись в темноте.

ПЛАЧ АЛТАЙЦА

В ночь ячейка направилась на рудник, а мороз лютый, до сорока градусов. Вьюга была большая.

Пришли. Собрание отменили. Кого-то поджидали из Усть-Каменогорска — не может быть, чтобы Ленин умер.

И дождались второй телеграммы.

Собрали митинг на руднике. Говорили о том, что

начатое Лениным дело мы должны проводить в жизнь и дальше.

На митинг пришел издалека по морозу алтаец Колька. Когда дали ружейный залп, он заплакал и упал. Уткнулся он в холодный снег и плачет, прижимая к себе винтовку.

Когда мы возвращались с митинга, он все говорил:

— Лучше бы мой дедушка Курман-Галей умер, а Ленин жил. Лучше бы он, Курман-Галей, умер, а не Ленин.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Из рассказов железнодорожников Финляндского вокзала	3
Р а п о р т (записан на заводе «Красный путиловец»)	12
В С м о л ь н о м (со слов машиниста Финляндской дороги)	16
С г у щ е н н о е м о л о к о (со слов ленинградской ткачихи)	19
Н а ф р о н т (со слов рабочего завода «Серп и молот»)	22
Ч т о я е м у с к а з а л б ы (со слов рабочего кондитерской ф-ки «Красный Октябрь»)	22
В е т е р о к (в Москве на ипподроме)	24
Н е д о р а з у м е н и е (на заводе «Красный путиловец»)	28
В л е с у (записано в Москве)	29
О х о т н и к и (на Московском электрокомбинате им. Куйбышева)	31
П е ш к о м п о М о с к в е (в Горках)	34
Н а л е с т н и ц е (в Ленинграде, в Выборгском Дворце культуры)	35

	Стр.
В дверях (Москва, завод «Серп и молот»)	35
У Иверских (Электрокомбинат им. Куйбышева)	35
В очереди (Ленинград, завод «Красный выборжец»)	36
С ним по соседству (Москва, завод им. Ильича)	36
Когда же он спит? (Москва)	37
Несостоявшаяся встреча (завод «Динамо», Москва)	40
В последний раз (в Горках)	42
Внезапная весть (со слов железнодорожницы Финляндского вокзала)	43
Плач алтайца (со слов ленинградской ткачихи)	44
